

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2017»

Москва, 31 мая — 3 июня 2017

ГОВОРЮ Я, КАРЛ...¹

Рахилина Е. В. (rakhilina@gmail.com)

НИУ Высшая Школа Экономики, Институт РЯ РАН,
Москва, Россия

В статье описывается история употребления русской конструкции с глаголом *говорить*, которая сегодня служит обычным маркером прямой речи говорящего. Исследование проводится с привлечением текстов XIX века, и опирается среди прочего на особый образом размеченный корпус текстов этого периода.

Ключевые слова: корпусные исследования, история русского языка, языковые контакты, дискурсивные маркеры, лексическая семантика, грамматикализация

Rakhilina E. V. (rakhilina@gmail.com)

National Research University Higher School of Economics,
Institute for Russian Language / Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The paper describes the diachronic development of Russian construction with the verb *govorit'* 'to say', the main marker introducing the direct speech. The analysis relies heavily on the data from XIX century Russian as presented in a special annotated corpus of Early Modern Russian.

Key words: corpus studies, history of Russian, language contacts, discourse markers, lexical semantics, grammaticalization

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФ 16-18-02071 «Пограничный русский: оценка сложности восприятия русского текста в теоретическом, экспериментальном и статистическом аспектах» (рук. Н. А. Слюсарь).

В заголовке статьи дается отсылка к широко распространенному сейчас интернет-мему, о котором подробнее см. Кронгауз и др. 2016, с. 51.

0. Введение

Настоящая работа — одна из первых, построенных на материале пилотного варианта нового размеченного корпуса XIX века, который разрабатывается по проекту «Пограничный русский». Корпус предназначен для исследования микродиахронических явлений — небольших семантических сдвигов, изменений в лексике и словообразовании, управлении, порядке слов и проч., а также в слабо-композициональных и идиоматичных конструкциях разного рода.

Тексты в корпусе автоматически размечаются морфологически и затем подвергаются детальной ручной разметке двумя-тремя независимыми разметчиками в отношении отклонений нормы XIX века от современной. В процессе разметки была выработана система помет, которая используется в корпусе в его настоящем варианте. Она дает общее представление о том, какого рода изменения в системе русского языка за его двухсотлетний период превалируют и могли бы считаться особенно значимыми. Всего помет около 30, они отражают параметры, значения которых отклоняются от современной нормы. Приведем здесь несколько иллюстраций:

- **asp (изменения в видовой форме):** *Когда я ему заметил, что он мог бы побеспокоиться в пользу хотя моего чемодана, за которым я вовсе не желал лазить* (→ *лезть*) *в эту бездну*
- **compag (изменения в форме или конструкции сравнительной степени):** *жизнь моя становится пустее* (→ *все более пустой*) *день ото дня*
- **deriv (мена словообразовательной модели или морфемы):** *чтоб докончить* (→ *закончить*) *портрет, я скажу, что у него был немного вздернутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза*
- **num (изменение числовой формы):** *оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критику* (→ *критику*)
- **wo (изменения в порядке слов):** *Он скептик и материалист, как все почти медики* (→ *почти все*) *до нравственной цели и до журнальных нападок*

Заметим, что язык XIX века не так часто описывался системно: хорошо известны два основополагающих труда, но оба относятся к середине прошлого века (Виноградов, Шведова 1964 и Булаховский 1948) и соответственно, отражают уже отошедший на целый век узус. Кроме того, у авторов того времени (а было и немало более частных исследований, в частности, лексики, и тоже в 60–70-е годы) не было возможности проверить свои гипотезы по такому широкому материалу, который теперь предоставляет исследователю поиск в корпусе, в том числе исторический.

В наших исследованиях соответствие той или иной формы или конструкции XIX-го века сегодняшнему дню отслеживается по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ). С его помощью определяется и степень уникальности замеченного лингвистического эффекта: по корпусу мы проверяем, встречаются ли такого же типа отклонения в других текстах того же или более раннего времени. Таким образом, НКРЯ оказывается для исследований этого рода необходимой точкой отсчета. Его возможности должны быть использованы: данные XX века заново проверены и получены новые — пока мы слишком мало знаем

о том, насколько отделилась от нас в отношении языка, например, русская классическая литература. Именно для этого предназначен создаваемый нами дополнительный инструмент, о котором мы говорим: размеченный корпус XIX-го века.

В качестве пилотного текста мы взяли хрестоматийный роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». По общему представлению, он до сих пор хорошо читается, в том числе школьниками — как если бы был написан в наше время. Ожидаемую трудность (которая должна быть в современном издании скомпенсирована историческим комментарием) вызывают характерные для этого текста военные и специальные термины и историзмы — *кафтан, штабс-капитан, десятина, пыж, разводная ванна, лорнет, слободка* и проч. Они — утраченная нами часть реальности, о которой ведется повествование, их нельзя исключить из романа или «перевести». Другое дело — примеры типа (1):

(1) *Сами посудите, что ж я мог отвечать против этого?*

В них встречается по несколько форм, отличных от современных, но таких, которые можно было бы привести к более привычному нам виду (1'), «исправив»: вопросительную конструкцию *что ж*, устранив из нее частицу → *что*, аспектуальную форму *отвечать* → *ответить* и управление: *ответить против этого* → *ответить на это*. Ср.:

(1') *Сами посудите, что я мог ответить на это?*

Лингвистически содержательной задача такого «перевода» на современный язык становится только тогда, когда мы можем исследовать причины замеченных нами языковых изменений.

Первая гипотеза, которую мы каждый раз проверяем — это «след» калькирования с французского. Действительно, языковая ситуация того времени располагает именно к этой логике: как известно, в начале века интерференция русского с французским была слишком сильна, а в последующем ослабла. Радикальное изменение социолингвистической ситуации могло послужить естественной причиной расхождения между русским того времени и современным русским.

В этой небольшой работе мы рассмотрим некоторые сюжеты, связанные именно с идеей французского влияния на русский первой трети XIX века.

1. Кальки

В естественном и очень живом для современного русского читателя дискурсе романа кальки, тем не менее, встречаются. Прежде всего, они затрагивают синтаксические конструкции и порядок слов².

В этом отношении показателен пример (2):

(2) *Я слез и подкрался к окну: неплотно притворенный ставень **позволил мне** видеть пирующих...*

² Но также и собственно лексику, где, по словам В. М. Живова, «семантическое калькирование сочетается с переработкой семантики, унаследованной от предшествующих эпох» (Живов 2009, с.19), о которой мы здесь специально говорить не будем.

Такого рода конструкции (с неодушевленным субъектом при модальном глаголе *позволить* и дательным падежом субъекта подчиненной ситуации) с точки зрения современной русской нормы выглядят странно. В обычном частотном случае субъектом при *позволить* оказывается абстрактное имя, а не неодушевленный физический предмет (*помощь, прибыль, проект, развитие* и под.) или лицо / группа лиц (*его превосходительство, общество* и проч.). Для неодушевленного неактивного субъекта в этом случае в русском лучше безличная конструкция, как в (3):

- (3) *Сквозь неплотно притворенный ставень я мог видеть VS. можно было увидеть VS. было видно пирующих...*

Напротив, во французском, и в том числе французском того времени, в аналогичных контекстах встречается ровно такое же распределение синтаксических ролей, как у Лермонтова. Хорошим свидетельством этому служит пример (4):

- (4) Fr. *Une autre porte entrebaillée me laissa voir un vieillard une Bible à la main ...* [« La France en Afrique et l'Orient à Paris » Benjamin Gastineau Paris, G. Barba 1864 p. 9]

Что касается порядка слов, то это тоже тот фрагмент синтаксического поля, в котором кальки вполне ожидаемы. С этой точки зрения любопытны атрибутивные и адвербиальные конструкции, ср., например, (5) с постпозицией одного из прилагательных в цепи однородных членов:

- (5) *Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные купами чинар, желтые обрывы <...>*

В современном дискурсе такая постпозиция является признаком сказового устаревшего высокого стиля, ср. (6) — однако тогда этот стиль выдерживается во всем фрагменте текста.

- (6) *И взошел я на гору высококую, где ни солнце не сияет, ни древа нет, ни трава не растет, только гады и змеи, свищущие и скрежещущие зубами.* [Михаил Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005]

В контексте (5) прямой порядок в атрибутивной конструкции выглядит так же естественно, как и инверсный — совершенно нейтрально. Для Лермонтова такой порядок не служит никаким стилистическим маркером, он индуцирован французским и может считаться синтаксической калькой (Булаховский 1948, Успенский 1985 и др.).

Заметим, что постпозиция прилагательных смотрится более системно, если принять во внимание многочисленные (и неестественные в современном русском) случаи постпозиции наречия в адъективных конструкциях, которые широко представлены в нашем корпусе, ср., например, (7–10):

- (7) *Тут толпилось шумно десятка два грузин и горцев; поблизости караван верблюдов остановился для ночлега.* [→ **шумно толпились**]
- (8) *...и скоро чайник зашипел приветливо* [→ **приветливо зашипел**]

- (9) ...и я боялся в ней **исчезнуть совершенно** [→ **совершенно исчезнуть**]
 (10) Вы **ошибаетесь опять**: я вовсе не гастроном [→ **опять ошибаетесь**]

2. Не-кальки

Не все расхождения в синтаксической структуре текстов XIX и XXI века можно объяснить калькированием. В частности, как хорошо известно, существенную роль в архаизации текста играет постпозиция местоимений, выражающих субъект глагола или посессора, как в (11-13):

- (11) **Присел я у забора и стал прислушиваться, стараясь не пропустить ни одного слова** [→ **Я присел ... и стал прислушиваться**]
 (12) **пополз я по густой траве вдоль по оврагу** [→ **Я пополз ... вдоль по оврагу**]
 (13) **Исполнив долг свой, сел я к нему на кровать** [→ **Исполнив свой долг, я сел к нему на кровать**]

Этот эффект объясняется постепенным превращением этих форм в русском языке из безударных клитик в полноударные лексические единицы [Зализняк 2008]. В XXI веке этот процесс давно завершился, и такие примеры возможны только в стилизациях, но в первой трети XIX-го века он еще полностью не закончился, так что в «Герое нашего времени» такие примеры все еще встречаются во множестве.

Именно с этой точки зрения нужно рассматривать встречающиеся в тексте Лермонтова случаи так называемого Pro-drop.

Pro-drop'ом принято называть явление опущения приглагольных субъектных местоимений, ср. *пришел, увидел, победил VS. он пришел, он увидел, он победил* (ср., например, [Тестелец 2001: 287]). Языки, которые допускают такое опущение, называются Pro-drop языками. К ним, в чисел прочих, относится русский — в отличие от французского и многих других европейских, ср.:

- (14) Fr. *J'arrive* ~ русск. *Иду (сюда)*.

Понятно, что на самом деле в каждом конкретном языке есть специальные условия и ограничения, регулирующие Pro-drop, так что даже в Pro-drop-языках опущение возможно далеко не в любом контексте (подробнее см., например, Фужерон, Брейар 2004). Тем не менее, если говорить в самом общем виде, то современный русский и французский в этом отношении хорошо противопоставлены. Но тогда мы вполне могли бы ожидать здесь какие-то рефлексии интерференции русского и французского в прошлом, два века назад. Между тем анализ Лермонтовской прозы показывает, что современный русский, как ни странно, много ближе к французскому, чем язык Лермонтова, в котором опущения встречаются гораздо чаще, чем сегодня, ср. (15-16):

- (15) <...> и все грустила, напевала свои песни вполголоса, так что, бывало, и мне становилось грустно, **когда слушал ее** из соседней комнаты.
 [→ **когда я слушал**]

- (16) *Поверь мне, аллах для всех племен один и тот же, и если он мне позволяет любить тебя, отчего же запретит тебе платить мне взаимностью?»*
[→ *отчего же он запретит*]

Объяснение этому довольно простое, оно связано с тем же эффектом исчезновения класса клитических местоимений, который мы упоминали выше.

3. Особый случай: все-таки кальки?

Убедившись на только что разобранных примерах в сложности задачи, связанной с определением калькирования, обратимся к следующему абзацу текста романа:

- (17) *Наконец — уж бог знает откуда он явился, только не из окна, потому что оно не отворялось, а должно быть, он вышел в стеклянную дверь, что за колонной, — наконец, говорю я, видим мы, сходит кто-то с балкона...*

В этом абзаце много несоответствий современной норме и интересных с лингвистической точки зрения явлений, но следуя тематике статьи, мы выделим последний фрагмент:

наконец, говорю я, видим мы, сходит кто-то с балкона...

и в нем обратим внимание на любопытную дискурсивную вставку *говорю я* с инверсным порядком слов.

В русском языке похожие маркеры очень частотны и имеют разную форму и семантику³. Во-первых, *я говорю* — прежде всего, с прямым порядком слов, которое вводит прямую или косвенную речь. С местоимением первого лица как субъекта — это речь говорящего, «авто-пересказ» (или, скорее, попытка точного воспроизведения) сказанного им ранее. Такой маркер необходим, когда происходит пересказ диалога, ср.:

- (18) *«Что, я говорю, нравится ли он тебе?.. да говори правду...» Сначала замаялась, ну, а потом призналась, что ты ей очень нравишься. Что же, ты бы уж кончал это дело... Зачем в долгий ящик откладывать...*
[И. И. Панаев. Опыт о хлыщах (1854–1857)]

В НКРЯ это значение зафиксировано для прямого порядка слов прямо с начала этой конструкции, с XVIII века, и живо до сих пор.

Однако в современном русском для этого маркера есть еще одно характерное значение, которое можно признать производным. Можно считать, что тот же дискурсивный показатель претерпевает небольшой семантический сдвиг — и вводит фрагмент монолога, а не диалога. В таком случае, как правило, он маркирует не буквальное воспроизведение уже произнесенного говорящим текста, а так сказать, его «краткий реферат». Этот «реферат» служит напоминанием со стороны говорящего другим участникам речевого акта о том, что уже было им сказано — когда основной рассказ был почему-то прерван,

³ Во всем разнообразии фразеологизованные конструкции современного русского языка с глаголами говорения представлены в статье Безяева 1997.

и нить его может быть упущена. Употребив этот дискурсивный маркер, говорящий возвращает нас к исходной теме, ср. (19).

- (19) *Сам, грешным делом, люблю поспать в рабочее время. Особенно на учёных советах. Золотой сон! — Виноват, товарищ генерал! — А вы не стесняйтесь. Так вот, я говорю, спать на учёном совете — самое милое дело! Только не надо распускаться: носом клевать, изо рта пузыри пускать и так далее.* [И. Грекова. На испытаниях (1967)]

Приглагольная позиция местоимения, как мы уже обсудили в предыдущем разделе, может меняться в зависимости от временного периода, который представляет данный пример. В XIX веке местоимение часто находится в постпозиции к глаголу, поэтому мы могли бы ожидать, что найденный нами пример (17) попал в один из этих классов.

Между тем, ни та, ни другая интерпретация *я говорю* для примера (17) не подходит. (17) описывает не диалог, а монолог Грушницкого — но этот монолог никто не прерывал. *Говорю я* стоит в самом центре рассказа Грушницкого, в самой его кульминационной, захватывающей точке. По своей роли в дискурсе он может быть отнесен к маркерам поддержания контакта со слушающими, предназначенного выделить, усилить данный момент повествования. В современном дискурсе вставка *говорю я* смотрелась бы в этом контексте неестественно и должна была бы быть заменена на какой-то другой маркер, что-то вроде: *представляете?! —* или, более лаконично и современно: *Карл!*

Примеры употребления *говорю я* именно этой семантики встречаются в начале XIX века, ср., например, (20), в котором говорящий действительно хочет специально акцентировать на внимание на том, что *теперь* все действительно *иначе* [да, Карл]:

- (20) *Куда ж прежде девалось? И сам не знаю, а чувствую, что его нет более, и уверен, что, увидя предмет, при воспоминании о котором прежде душа моя пылала сладостным огнем, и все бытие перерождалось, — теперь, говорю я, не иначе взгляну на предмет тот, как на листы бумаги, на которых красным карандашом пачкал я харицы в первые месяцы ученичества <...>* [В. Т. Нарезный. Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова (1814)]

Наша гипотеза состоит в том, что такое употребление является (неполной) калькой с французского того времени. Некоторые примеры об этом свидетельствуют, ср. (21):

- (21) *M. Jules vit entrer dans son cabinet Fouquereau tout radieux. « Monsieur, il vient de venir une vieille femme, mais soignée, je dis, une fine mouche. Elle a demandé Monsieur, a paru contrariée de ne point le trouver, et m'a donné pour Madame une lettre que voici ».*

‘<...> к Жюлю в кабинет вошёл сияющий Фукеро. — Сударь, только что приходила старуха, гладкая такая. Продувная бестия, **доложу я вам**. Спрашивала вас и словно бы огорчилась, что вас дома нет, а барыне велела вот это письмо передать.’ [Бальзак, «Феррагус»; перевод М. Казас]

Особенность этого случая в том, что в современном французском так сказать нельзя, но и в современном русском, как мы знаем, это значение тоже утрачено. Требуется дополнительное исследование, чтобы доказать это обстоятельно. Пока мы можем рассматривать это как правдоподобное предположение, которое, если бы не оправдалось, следовало бы выдумать: французское влияние на русский язык после первой трети девятнадцатого века заметно идет на убыль (Булаховский 1948, Успенский 1985 и др.). Судьба устаревших калек (а такие непременно должны быть) чрезвычайно интересна с лингвистической точки зрения.

4. О дальнейшем развитии

Любопытно, что та же семантика встречается в первой трети XIX века у другого, модифицированного маркера, а именно: **я вам говорю** — с препозицией местоимения и выраженным адресатом, ср. (22). Как и в монологе Грушницкого (17), с которого мы начали свое обсуждение, здесь речь идет о дополнительном дискурсивном знаке усиления контакта с собеседником через привлечение его особенного внимания к тому, что и как было сказано в данный момент. Ср. также (23–24).

(22) Явление XIV. Прежние и Алинской.

[Александр Иванович Алинской, муж] (в некотором замешательстве).

Я никак не мог уехать без того, чтобы не засвидетельствовать вам лично моей благодарности... и не извиниться перед вами.

[Константин Прохорович Яззов, муж] (весело и дружески) *Руку, сосед!*

Что тут за благодарность и извинения. Мы давеча вас насмешили, я вам говорю, не правда ли? [Д. Т. Ленский. Хороша и дурна, и глупа и умна (1833)]

(23) — *Удивительное, я тебе говорю, стечение обстоятельств!..*

[А. Ф. Писемский. Масоны (1880)] **ЗНАЕШЬ ЛИ**

(24) *Это делается для того только, я тебе говорю, чтобы избежать огласки.*

[Д. Т. Ленский. Хороша и дурна, и глупа и умна (1833)]

В современном русском **я тебе говорю** существует как дискурсивный маркер, но он несколько изменил и свое дискурсивное значение, и область употребления: **я (тебе / вам) говорю** хорошо сохранилось в императиве, как своего рода маркер «строгости» приказания, ср. (25–27):

(25) *Горкин ему строго говорит: «Вася, я тебе говорю усни!»* [И. С. Шмелев.

Лето Господне (1927–1944)]

(26) — *Нет, Ася, — уже строго сказала мать, я тебе говорю, совершенно одинаковые.* [М. И. Цветаева. Сказка матери (1934)]

(27) — *Вставай, я тебе говорю, ишак кавказский, идиот осетинский!*

[А. И. Куприн. Яма (1909–1915)]

Как правило, в императиве строгость приказа достигается за счет настойчивости говорящего, апеллирующего к тому, что он повторяет то же требование, которое уже было выдвинуто им некоторое время назад, но до сих пор не выполнено. Идея настойчивости и связанного с ним императивного повтора прослеживается в семантике этого маркера и в некоторых косвенных приказах / просьбах, не собственно императивных, как в (28) или (29):

(28) — *Врешь, я тебе говорю, мерзавец! Ты Ксенофонт!* [А. А. Шкляревский. Русский Тичборн (Из уголовной хроники) (1903)]

(29) *Это Саша, я вам говорю, это Саша!* ≈ ‘<обязательно> поверьте, я повторяю, что это Саша (а не кто-то другой)’ [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]

Для этого вида императивов следовало бы ввести особую категорию «стратива», который, впрочем, в широком смысле, входит в тот же класс дискурсивных маркеров, что и *Карл!* — но только с поправкой на условия императивного контекста, в котором настойчивость часто сопряжена с повтором. Другими словами, мы можем считать, что здесь действует, в терминологии Construction Grammar, известный эффект *coercion*: воздействия структуры и семантики конструкции (в нашем случае — императива) на встраивающуюся в нее языковую единицу (дискурсивный маркер).

5. Заключение

Мы рассматриваем новый пилотный корпус XIX века как лингвистический инструмент, с помощью которого можно исследовать новую область — микродиакронию. Она даст нам возможность увидеть новые задачи через сопоставление двух языковых норм, разделенных двумя веками. В том сюжете, который мы здесь рассказали, есть две важные для нас перспективы. Первая — сложнейшее взаимодействие русского и французского того времени, которое требует тщательного и профессионального исследования. Вторая — конструкции с непростой и некомпозиционной семантикой, семантическая сложность которых становится очевидна только тогда, когда нам как читателям или как лингвистам бросается в глаза неполное их соответствие нашей современной норме. Действительно, фразы *я (тебе) говорю, говорю я*, давно и хорошо освоенные лингвистами глаголы речи, смотрятся настолько обыденно, что требуется специальный инструмент, чтобы вскрыть их нетривиальность.

Литература

1. *Безяева М. Г.* «Как вам сказать?» Об участии конструкций с глаголами речи в формировании коммуникативной целеустановки высказывания // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1997, № 2. С. 62–87.
2. *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX века. Киев, 1948.

3. *Виноградов В. В., Шведова Н. Ю.* Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. М.: Наука, 1964.
4. *Живов В. М.* История понятий, история культуры, история общества // В. М. Живов (ред.) Очерки исторической семантики русского языка раннего нового времени. М.: Языки славянских культур, 2009.
5. *Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.
6. *Кронгауз М. А., Литвин Е. А., Мерзлякова В. Н., Пиперски А. Ч., Сомин А. А., Черненко Ю. А.* Словарь языка интернета. М., АСТ-ПРЕСС, 2016.
7. *Лермонтов М. Ю.* Герой нашего времени. М.: АСТ, 2015.
8. *Рахилина Е. В., Бородина М. А., Резникова Т. И.* «Тамань сегодня»: корпусное исследование русского языка XIX века // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова, Вып. 11. М., 2016.
9. *Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
10. *Успенский Б. А.* Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М. Гнозис. Серия: Язык. Семиотика. Культура. 1994.
11. *Фужерон, И. И.; Брейар, Ж.* 2004. Местоимение «я» и построение дискурсивных связей в современном русском языке // Т. М. Николаева (ред.). Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей. М.: Языки славянской культуры, 147–165.